

Константин Бугров, Ксения Пименова

Как рождался соцгород: новая попытка осмысления градостроительных практик раннего СССР*

Konstantin Bugrov, Kseniya Pimenova

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg)

How a sotsgorod was born: new attempt to comprehend the urban planning practices of the early USSR

DOI: 10.31857/S2949124X23060263, EDN: NPBVHU

Книга американского историка архитектуры К. Кроуфорд посвящена слабо изученному вопросу — градостроительству раннесоветской эпохи. Она преследует двоякую задачу: рассмотреть процессы выработки и реализации проектов середины 1920-х — начала 1930-х гг. и проследить трансформацию курса в этой сфере под влиянием динамично менявшейся социально-экономической, политической и идео-

логической ситуации. В основу исследования положен макроисторический подход, а изучение проектирования и строительства носит компаративный характер.

В центре внимания — три периферийных города, выбранные по принципу значимости для индустриального развития СССР. Этот критерий предопределил экспериментальный характер строительных преобразований

* Crawford Ch.E. Spatial revolution: architecture and planning in the early Soviet Union. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 2022. 386 p.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

в них (р. 2). В первой части («Нефтяной город»), представляющей исключительный интерес, анализируются городская география и процессы планирования в Баку — тогдашнем центре советской нефтедобычи, выстраиваются внутренние связи чрезвычайно сложной промышленно-селитебной ткани Апшеронского полуострова. В фокусе внимания — усилия треста «Азнефть» по улучшению жилищных условий своих рабочих. Промышленное руководство выступало за создание для них «посёлков-садов», однако столкнулось с оппозицией со стороны Бакинского горсовета, который стоял за многоквартирные блоки. Нараставшая потребность в жилье и ограниченность ресурсов, выделявшихся на строительство, определили к 1926 г. победу второго варианта (р. 78). Особый акцент сделан на проблеме централизации градостроения: «История планировки Баку ставит под вопрос одну из главных характеристик советского планирования: что оно было с самого начала административно и географически централизованным... Планировщик Александр Иваницкий был частным лицом, нанятым местной администрацией, клиент и подрядчик вместе разрабатывали задачи планирования практически без надзора со стороны Госплана» (р. 117–118). К сожалению, не уделено внимание кооперативному строительству, сохранявшему достаточно сильные позиции в эпоху нэпа, а рассказ не доведён до конца — до обидного мало сказано о том, как всё-таки реализовывался градостроительный план Баку в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Во второй главе («Стальной город») предложен обзор проектов строительства Магнитогорска, прослежены перипетии раннего этапа воплощения идеи «социалистического города». История создания центра советской металлургии хорошо изучена, однако

Кроуфорд удалось внести нечто новое, рассмотрев её в контексте процесса централизации градостроения. Она показала, что Госплан, осознавая важность жилищного строительства для выполнения планов пятилетки и его мобилизационную значимость, демонстрировал заинтересованность в скорейшей выработке модели соцгорода — собрал конференцию (р. 140), ратовал за издание сборника её материалов (р. 143). И если в годы нэпа ведомству было не до коммунального строительства, то переход к телеологическому планированию и масштабным проектам заставил плановиков проявить внимание и к этим вопросам (р. 149).

Рассматривая задание на проектирование Магнитогорска, Кроуфорд обратилась к предложенному историком и теоретиком архитектуры Ф. Шоэ для анализа архитектурных замыслов концепту «инстаурационного текста» — комплекса идей, способствующих появлению новых пространственных форм. Трактую задание как результат договорённости между «теоретиками-визионерами и советскими чиновниками», согласовавшими то, как должно быть организовано пространство и где пролегают границы творческой свободы архитекторов (р. 156, 158), исследовательница задалась вопросом: привёл ли конкурс на проект Магнитогорска к выработке модели «социалистического города»? Ответ дан двоякий: «Да, поскольку... конкурсная документация обозначила главную творческую задачу пятилетки — создание воспроизводимой модели социалистического города... Нет, поскольку... конкурс не привёл к строительству реальных зданий» (р. 184).

В ряду причин, по которым конкурс оказался проектом не столько материальным, сколько интеллектуальным, Кроуфорд отмечает удалённость города от столицы, сложный ландшафт

и приоритет индустриального строительства над гражданским, оборачивавшийся соответствующей перекачкой финансовых средств. Однако это не объясняет отказ от реализации проектов планировки как соцгорода, так и жилищного комбината. Ответ кроется в том, что в 1929–1930 гг. в СССР активно приезжали иностранные специалисты (в том числе немецкий архитектурный мэтр Э. Май), с чем связывались надежды на приобщение к европейскому опыту стандартизации строительства¹. Поэтому интерес к результатам конкурса (местами фантастическим — сегодня проекты Организации современных архитекторов, предполагавшие возведение в Магнитогорске 28-этажных башен, способны вызвать лишь усмешку: их технологическая реализуемость была нулевой) сошёл на нет.

Строительство Магнитогорска, по Кроуфорд, стало началом новой стадии советского градостроительного планирования: «Если в Баку осуществлялось, можно сказать, типичное планирование эпохи нэпа, при котором местные руководители определяли его размах, а бухгалтерия регулярно проверялась на предмет возможности обеспечить замысел, то Магнитогорск стал символом совершенно иной модели... Экономика Советского Союза становилась командной, рыночные силы отбрасывались во имя ускоренной индустриализации. Доходы из других секторов народного хозяйства вливались в ключевые проекты» (р. 123). Упомянуты «генетический» и «телеологический» подходы к общехозяйственному планированию, и, конечно, рассмотрена дискуссия «урбанистов» и «дезурбанистов», развернувшаяся в 1929 г.

Представляется, однако, что «великим дебатам» архитекторов придаётся чрезмерное значение: они отличались остротой, но почти не имели

последствий, за пределами Москвы и Ленинграда построено было мало. Следовало бы больше внимания уделить разбору позиций экономистов, поскольку в тексте главы можно встретить неудачные формулировки, например: «Сабсович, председатель Госплана Глеб Кржижановский и другие так называемые нонградуалисты выступали за ускоренный темп индустриализации» (р. 122). Конечно, в середине 1920-х гг. Кржижановский выглядел пламенным индустриализатором, но уже к 1930 г. он смотрелся умеренно на фоне таких радикалов, как Л.М. Сабсович. Именно ВСНХ, в руководство которого входил последний, а не Госплан, отвечал за «вакханалию планирования», раздувшую программу пятилетки до циклопических масштабов².

В третьей главе («Машинный город») Кроуфорд анализирует строительство Харьковского тракторного завода (ХТЗ) и его соцгорода как попытку стандартизации, позволявшей до известной степени преодолеть трудности, с которыми столкнулось проектирование Магнитогорска. Автор подчёркивает: «Требовалось наладить массовое производство тракторов, что означало необходимость найти стандартную модель тракторной фабрики, которую можно было воспроизводить подобно самому трактору “Фордзон”» (р. 230). Содержателен сравнительный анализ планировок Сталинградского и Харьковского заводов, разработанных архитектурным бюро А. Кана, детально рассмотрена подготовка коллективом проектировщиков под руководством П.Ф. Алёшина планов и чертежей Нового Харькова.

Автор проводит пространственный анализ данной промышленной площадки (это, безусловно, сильная сторона работы) и заключает: «Теория социалистического города была создана для Магнитогорска и применена в Харькове» (р. 283). Если для первого объ-

вили всесоюзный конкурс — шумный, но бесплодный, — то во втором просто «обратились к опытному местному архитектору, который, изучив господствующие веяния и применив свои профессиональные навыки, постарался решить проблему по возможности оперативно» (р. 284). С этим выводом следует, пожалуй, согласиться. Однако в целом выбор для анализа идеи соцгорода тракторного завода, расположенного рядом с крупным мегаполисом, вызывает удивление. Очевидно, что строительство на окраине столицы союзной республики или крупного промышленного центра (посёлок Автозавода в Нижнем Новгороде, городок Уральского завода тяжёлого машиностроения в Свердловске) заведомо «удачливее», нежели в пустой степи Южного Урала или Казахстана (Джезказган), или на Кольском полуострове (Кировск). «Повезло» также стройкам, начатым первыми (например, Сталинградский тракторный завод) и к моменту кризиса пятилетки (1931) по большей части завершённым. Финансирование, качество управления, географическое положение с общим правилом «чем восточнее, тем труднее» — такой представляется нам система факторов, влиявших на успешность градостроительных проектов эры индустриализации.

Кроме того, в корректировке нуждается само понятие успешности, требующее детального и комплексного анализа всего объёма строительства на той или иной площадке, а не только отдельных проектов. К примеру, соцгород вовсе не был единственным поселением у горы Магнитной. Разнообразные деревянные, щитовые, барачные посёлки сформировали чрезвычайно сложную географию на обширном пространстве от железнодорожной станции до собственно соцгорода, замыкавшего этот селитебный «котёл» с юга³. Та же ситуация и с Харьковом:

в 1935–1936 гг. рядом с ним начал работу станкостроительный завод, обзаведшийся собственным посёлком, который вскоре фактически слился с жилищными комбинатами ХТЗ. Думается, интереснее было бы провести именно цельный анализ сложного процесса проектировки и развития градостроительных комплексов, складывавшихся вокруг заводов. В книге же собственно строительству — в отличие от проектирования — внимания уделено чрезвычайно мало.

В результате рассмотренные примеры не складываются в последовательный процесс «пространственной революции». Кроуфорд старается его выстроить, но если переход от Баку к Магнитогорску получился логичным (как иллюстрация перехода от локального сбалансированного планирования к централизованным директивам), то от Магнитогорска к Харькову — нет. Возникает масса вопросов, и главный — в чём же заключалась «революция»? Только ли в стремительном переходе от жилых единиц к стандартизированным суперблокам? Кстати, из этой точки автор предпринимает не вполне удачный экскурс во вторую половину XX в., утверждая, что в СССР конкурировали две модели: «монументальный соцреализм» градостроительного ансамбля и «хорошо организованный жилкомбинат», переживший возрождение в послевоенный и особенно послесталинский период в виде микрорайонов.

Кроуфорд пишет: «С системной точки зрения проект соцгорода Нового Харькова представляет собой успешное применение... социалистической градостроительной единицы — суперблока Арменикенд — в намного большем масштабе, преимущества чего будут осознаны со временем» (р. 283). Тем не менее, хотя в 1950–1960-е гг. микрорайонный принцип строительства на новых территориях

и возобладал⁴, ни в проекте харьковского соцгорода, ни в градостроительной практике послевоенного времени задачу массового воспроизведения форм застройки решить так и не удалось. Типовые проекты планировки жилых районов разрабатывались, но широкого распространения не получили. Массовому воспроизведению при этом подвергались не формы застройки, а проекты зданий. Вопрос же планировки жилых районов разрешался с учётом экономических, демографических, ландшафтных, функциональных, композиционно-эстетических и других факторов — в каждом случае по-своему.

Отразить влияние проектирования городов на их повседневность автору не удалось. О жизни бакинского Арменикенда, на месте которого строился конструктивистский посёлок им. Шаумяна, ей, по большому счёту, сказать нечего. О Магнитогорске и Харькове она рассказывает со ссылками на англоязычные записки живших в начале 1930-х гг. в СССР иностранцев, таких как Дж. Скотт или Ф. Бил. Новый Харьков характеризуется как наиболее успешный градостроительный проект среди изученных, однако звучит это несколько голословно: автор не поясняет, на каких основаниях сделан такой вывод, лишь упоминаются эффектные фотографии соцгорода. В результате вольно или невольно воспроизводятся постулаты советской пропаганды о жилищном строительстве как проявлении заботы правительства о благополучии граждан и обеспечении равного доступа к социальным благам. Стараясь уравнивать навеваемую фотоматериалами иллюзию, Кроуфорд подчёркивает, что посёлок тракторостроителей окружала голодающая деревня. И всё же резкие противоречия градостроительной практики эры индустриализации, их связь с политикой принуждения

и социального контроля остались на периферии исследования.

Кроуфорд задаётся вопросом, как воспринималась архитектура горожанами, как трансформировала их повседневность, однако ответить на него, по её мнению, едва ли возможно. Между тем эта задача принципиально разрешима путём применения количественных и качественных методов анализа материалов периодической печати, эго-документов, фото и других групп источников. Сама исследовательница несколько раз обращает внимание на фотографии бакинского строительства, сделанные Л.Г. Брегадзе, а также указывает на мобилизующую роль строительства Нового Харькова для городских добровольцев (р. 282). Оба сюжета кажутся ценными при условии их систематического изучения.

Подводя итоги, отметим, что в целом попытка «развенчать миф о том, что советское планирование было централизованной и цельной деятельностью с самого начала» (р. 286), удалась. К достоинствам книги можно также отнести помещение советского градостроительства в контекст мирового, причём не только отследив судьбы новаций, привнесённых иностранными архитекторами, но и отметив перенесение идей, претерпевших советскую «локализацию», за рубеж. Кроуфорд говорит об «уроках» советского градостроения и делает вывод, что представления о «хорошем городе» были, по существу, одинаковы в социалистическом и капиталистическом мире, различаясь лишь «источником финансирования».

Однако представляется, что большая работа, проделанная автором, заслуживает более глубокого и серьёзного вывода. Главная проблема исследования — установка на анализ проекта вместо анализа практики. Обращение к последней показывает, что в широком смысле ни одна стройка

индустриализации не достигла успеха. Каменные городки с многоквартирными домами и «жилкомбинатами» не могли разместить большинство обитателей постоянно растущего поселения, оно неизбежно «обрастало» деревянной застройкой, щитовыми и каркасными кварталами, землянками, многочисленными техническими сооружениями и т.д. Эта география, довлевшая над «социалистическими городами» как минимум до конца 1960-х гг., заслуживает пристального изучения. Её «не видят» документы планирования, подчас «извлечь» её из массива источников сложно. И всё же мы уверены, что именно по этой линии должно развиваться изучение социальной и культурной практики советского градостроения. Работа К. Кроуфорд — интересная, богатая источниковым и визуальным материалом, обращающаяся к слабоизученным приме-

рам, — в целом является шагом в этом направлении.

Примечания

¹ *Коньшева Е.В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М., 2017. С. 11.

² *Harris J.R.* The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. Ithaca (N.Y.); L., 1999. P. 54, 82, 87.

³ См.: *Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley, 1995; *Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011; *Макарова Н.Н.* «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск, 2014; и др.

⁴ *Горлов В.Н., Артёмов С.Н.* Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. № 1. С. 79–97.